

Сергей Назипович Гавров

***Российское государство:
вчера, сегодня, завтра***

Научная и общественная дискуссия на тему о перспективах персоналистского режима в России оказалась злободневной, временами возникает ощущение того, что все мы находимся в зоне исторической бифуркации. За несколько отстраненной позицией, предполагаемой жанром научной публикации, чувствуются человеческие страсти, эмоции настоящих и будущих участников событий.

Естественно, что в зависимости от собственной картины мира участники дискуссии дают ответы, с разной степенью условности тяготеющие к двум основным смысловым полюсам: да, неизбежен, и нет – «избежен», или даже мы его исторически уже изжили, все, кончилась традиционная «русская система».

Влияние отживших идеологем

Начну со статьи Б. Межуева «Российское государство может быть лишь сочетанием идеократии и демократии». Позиция автора не привязана к доминирующему полюсу «патриотизма» или «либерализма», она расположена где-то между ними. Поскольку моя собственная позиция скорее тяготеет к полюсу либерализма, что-то в

тексте Б. Межуева моим размышлениям вполне созвучно, что-то, что родом из «православия, самодержавия, народности», нет. Мне вполне симпатичны рассуждения автора о «техническом» характере российского государства в его традиционной «самодержавно-бюрократической» модели правления, когда «технический расчет замещает политический выбор». Когда технический характер приобретают практически все властные бюрократические позиции, происходит делегирование полноты политической ответственности на самый верх, на уровень президента.

Я согласен с тем, что это хрупкая политическая система, абсолютно зависящая от энергии и других личных свойств первого лица в системе государственного управления, эта традиционная «самодержавно-бюрократическая» модель управления дисфункциональна, она не обладает необходимым ресурсом для «саморемонта» и может разрушаться практически в одночасье, как показал опыт революций 1917 и 1991 годов.

Я вполне согласен и с замечанием Б. Межуева о том, что сегодня мы находимся в некоем межуточном, инерционном состоянии между авторитаризмом и свободной политической конкуренцией. Мы имеем сегодня ситуативное, лишь реагирующее на внешние раздражители государственное управление. Мы наблюдаем стремление власти к избеганию определенности, сиюминутному реагированию на внутренние и внешние раздражители, нежелание делать какой-либо обязывающий выбор. Данный пусть и не вполне осознанный выбор превращает конкретные действия как в сфере внутренней, так и внешней политики в набор взаимоисключающих положений, декларируемых в попытке объять необъятное, вместить весь диапазон возможных будущих решений. Впрочем, в последние годы достаточно явственно наметился выбор в пользу квазиимперского пути развития, который, естественно, требует и совершенно определенной идеологии. Традиционный путь развития оказывается ближе, роднее, инстинктивнее, воспроизводясь как бы

сам собой, обрастая семантикой новых/старых идеологических опосредований.

Диагноз сегодняшнего состояния российской государственности, предложенный Б. Межуевым, в определенной мере резонирует с моей позицией, но дальше начинаются существенные расхождения. Россия является частью европейской цивилизации. Естественно, что каждая европейская страна имеет свою индивидуальность, в том или ином смысле отличаясь друг от друга.

Наша уникальность скорее не в православии, а в размере занимаемой территории, географического углубления в Азию. Мы больше Европа, чем, например, вошедшие в Евросоюз православные Болгария и Румыния, где влияние восточной культуры куда заметнее, чем в России. Цивилизационно мы представляем Европу в Азии, расширяем Европу географически и культурно до Северной Америки и Японии. Благодаря России она потенциально превращается из малой «оконечности Азии» в «Хартленд» – срединную землю, оказывающую самое существенное влияние на развитие мировых событий.

Наша европейская принадлежность была естественна с момента образования русской государственности. Известные особенности нашего исторического прошлого не более «особые», чем, например, в Испании. Но на основании сравнительно давнего арабского завоевания и сравнительно близкого франкистского правления никто Испанию из европейской цивилизации не исключает. Говорить о нашей цивилизационной отдельности, исходя лишь из уникальности географического положения и размеров занимаемой территории, невозможно. Они уникальны, но претензий на цивилизационную особость оправдать не могут.

Об отдельной православной цивилизации говорить тоже не приходится. Если бы такие утверждения опирались на реальное положение вещей, к союзу с Россией, а не ЕС, стремились бы православные государства Европы. Но они стремятся в Европейский

союз и НАТО, оставляя Россию в «цивилизационном» одиночестве. Сильное движение в этом направлении наблюдается и на Украине, а вектор политического притяжения Беларуси неустойчив уже сегодня.

Россия – часть Европы даже вне зависимости от того, согласны ли с этим сами европейцы. Их сегодняшнее желание или нежелание включать нашу страну в европейские структуры ситуации кардинально не меняет – включают в историческом «завтра». Не нужно требовать от Европейского союза и истории немедленного интеграционного действия, всему свое время. Для истории полстолетия и даже столетие это совсем не то, что для человека. Главное – выбрать путь приближающий, а не отдаляющий такое развитие событий. Я полагаю, что Россия институционально интегрируется в европейские структуры неизбежно, вопрос лишь во времени и в том, что страна будет к тому моменту представлять собой географически.

Здесь просматривается два основных варианта. Первый заключается в упрочении демократических институтов, развитии инновационной экономики и гражданского общества. Тогда мы имеем все шансы пройти путь сближения, а затем и интеграции с европейскими структурами в нашем нынешнем составе и границах.

И вариант второй. Он несколько длиннее и куда болезненнее для современников исторических событий, разрушительнее для территориальной сохранности государства. В случае движения по этому историческому пути Россия довольно быстро пройдет через третий этап деконструкции империи, и в таком малом, усеченном виде сможет легче войти в состав объединенной Европы, а часть наших будущих политиков и военных окажутся в Гааге.

«Варвары у ворот»

Кое-что о том, что нужно сделать для осуществления этого второго варианта, рассказал «консервативный журналист» Д. Володихин в статье «России нужна самодержавная монархия, несколько

смягченная рядом представительных учреждений». Он прямо говорит о России православной и имперской, стране, где на «любом уровне политической власти никакое серьезное дело не должно решаться без советования с духовными властями, без благословения патриарха, епископа, иерея».

Я полагаю, что никакое упомянутое Д. Володихиным серьезное либо несерьезное дело долго не продлится, по причине отсутствия государства и подконтрольной ему территории, на которую могли бы распространяться подобные согласованные решения. Использование православия в качестве государственной идеологии, а православной церкви в качестве идеократического органа приведет к ускорению третьего этапа деконструкции империи, когда от страны отпадут последние иноцивилизационные, инорелигиозные регионы. Не факт, что в такой, по счастью пока гипотетической, ситуации за ними не последуют Дальний Восток, Калининград, возможно Сибирь.

Полагаю, что в границах Московского княжества, того, что при использовании таких рецептов государственного управления останется от современного российского государства, посоветоваться, получить благословение вполне возможно. Только не надо думать, что такого рода геополитический «сброс» инокультурных, иноконфессиональных территорий может пройти безболезненно для современников и участников событий, он скорее будет напоминать классический распад континентальной империи. Распад через кровь и почву.

Иными словами, выбор здесь несложен. Либо большая, многоконфессиональная, страна в ее сегодняшних границах, но без главенства и «водительства» православия, население которой с изрядной долей безразличия относится к своей конфессиональной принадлежности, либо страна маленькая, на некоторое, небольшое по меркам истории время, с главенством и всеми возможными приоритетами у православия.

Д. Володихин конструирует утопию, перерастающую в антиутопию. Ему видится национальное объединение на основе некоего самостийного, якобы ни на что в истории не похожего «четвертого пути» русского консерватизма. Но в истории был уже особый путь национал-социалистических и фашистских режимов в Европе прошлого века. Все уже разработано теоретически и даже воплощалось в исторической практике тоталитарных европейских режимов, осталось только приспособить чужие идеи к российской действительности, по-другому «упаковать» их. Из старых европейских «консервативных революционеров» можно вспомнить работы Мёллер ван ден Брука, Карла Шмитта, Эрнста Юнга... Совпадения старой, европейской, и новой, российской «консервативной мысли» вполне определенные и недвусмысленные.

Так, согласно «консерватору» А. Мёллеру ван ден Бруку, «Третий рейх» (государственная форма «германского социализма») есть антитеза как западному либерализму, так и «восточному большевизму» [Хёрстер-Филиппс, 1997: 27]. А Карл Шмитт полагал, что только «социальное всеединство» безграничного государства может обеспечить человеку самое ценное – его физическое существование (выживание – в терминологии Д. Володихина) [Штафф, 1997: 40].

Наконец, Эрнст Юнг в 1927 г. опубликовал крайне популярную в Третьем рейхе работу «Господство неполноценных». Юнг рассмотрел и отверг политический порядок Веймарской республики и сформулировал основные положения своей концепции государства. С его точки зрения, Веймарское государство привело к власти «неполноценных», недопустимо индивидуалистичных либералов, одновременно подавляя духовную и нравственную элиту Германии. И только «консервативная революция в состоянии уничтожить «господство неполноценных» и «либерализм». Под «консервативной революцией» Юнг понимал «восстановление всех тех элементарных законов и ценностей, без которых человек теряет связь с природой и

Богом и не может установить истинного порядка. Равенство необходимо заменить внутренними ценностями, социальные убеждения – верой в справедливость иерархического общества, механические выборы – органическим принципом фюрерства (вождизма), бюрократическое принуждение – внутренней ответственностью подлинного самоуправления, массовое счастье – правом народной личности» [Хёрстер-Филиппс, 1997: 27].

Так что Д. Володихин и другие авторы «патриотической» ориентации в своих теоретических изысканиях вполне могут опереться на солидную источниковедческую базу «консервативных революционеров», подготовивших идейную почву для прихода к власти в Германии национал-социалистов. При всех возможных оговорках, статья Д. Володихина своевременна в жанре антиутопии-предупреждения. Автор грезит о немыслимом «зигзаге истории» – последней победе неотрадиционалистов, которая может принять форму этнического фашизма, сопряженного с авторитарно-имперской исторической и социокультурной традицией. Настоящий русский фашизм, или национал-социализм, не может быть лишь пародийной копией своих итальянских и немецких аналогов. Он может быть декорирован в одежды «православия, самодержавия, народности», возможно, неоязычества.

Несмотря на разность мнений и оценок, прозвучавших в ходе дискуссии, общее ощущение тревожное. Его хорошо выразил известный российский историк Александр Янов: «варвары у ворот». «Варвары» крепки своей верой, желанием во что бы то ни стало воплотить пригрезившуюся утопию, готовностью жертвовать ради нее чужими и своими жизнями. Они сильны невосприимчивостью к чужому опыту, «варвары» готовы повторять и повторять авторитарные эксперименты над собой и над страной до тех пор, пока от страны еще хоть что-то остается.

Обладая сугубо мифологическим мышлением, они не воспринимают исторические закономерности, каждый раз открывая

для себя историю заново, рассматривая ее как хаотическое нагромождение случайностей. Опыт Третьего рейха им, конечно, указ, но двенадцать лет его существования воспринимаются как историческая случайность, а не как неизбежность. Тогда почему бы не попробовать осуществить близкий по духу проект в России, конечно, в сугубо православном и самодержавном обрамлении. Это у них было всего двенадцать лет, а «наша» Империя во главе с императором будет существовать именно тысячелетие, она будет существовать как бы вне физического времени, в пространстве времени мифологического.

Но в сегодняшней ситуации далеко еще не все потеряно, существуют разные варианты развития событий: от массового антифашистского движения до усиления борьбы в самой власти, активизации ее либеральных, интеллигентских сил, людей во власти, которые не могут внятно ответить на вопрос коллег – «в каком полку служили?». Вполне согласен с мыслью Д. Тренина о том, что возможна активизация «тех сил, которые сегодня служат лишь либеральным декором режима... Фашизация страны, безусловно, не в интересах большинства из них. Пока эти люди слабо осознают реальную угрозу фашизма, но уже очень скоро это поймут».

Неудобные вопросы

В рамках дискуссии о перспективах персоналистского режима в России нельзя не отметить статью И.Яковенко. В частности, он задает себе и участникам дискуссии вопросы, от ответа на которые зависит не только будущий характер российской государственности, но и наше личное будущее. Прежде всего, какой тип кризиса мы переживаем? «Это может быть один из кризисов развития, и тогда он преодолим, а может быть последним кризисом исторического тупика, из которого просматривается единственная перспектива – деструкция и снятие субъекта».

Если интерпретировать кризис, который происходит сегодня с нами, как кризис исторического тупика, то нужно придерживаться рецептов по обустройству России, исходящих от «православно-консервативного» лагеря. Следуя им, можно раз за разом совершая схожие исторические ошибки, в конце концов скукожить территорию Российского государства до границ Московского княжества, по своим размерам и населению трансформируемого, удобного претендента на институциональное включение в состав Европейского союза. Путь исторически возможный, но у меня энтузиазма не вызывающий. Это путь через разрушение, через распад, я вполне согласен с тезисом Игоря Яковенко о том, что «российское православие в принципе не komponуется с императивом динамизации», неспособно к эффективным ответам на вызовы времени.

Если же интерпретировать происходящее сегодня как кризис развития, то это незавершенный кризис изменения, сопряженный с настоящими и будущими попытками демократического согласования региональных и этнонациональных интересов, построения асимметричной федерации, развития демократических институтов, формирования гражданского общества.

Взаимоотношения общества и власти

Еще одним текстом, на который я не могу не откликнуться, стала статья Иосифа Дискина «Сегодня впервые в российской истории возникают предпосылки для конкурентного рынка и политической демократии». Соглашаясь с такой постановкой вопроса в целом, предполагая вполне реальным демократическое развитие России, не могу согласиться с некоторыми частностями.

«В “новой России” по мере роста благосостояния главной становится проблема социальной справедливости, справедливого раздела национального пирога» (И. Дискин). Как же так, ведь в совсем еще недавние 90-е годы миллионы наших соотечественников опирались исключительно на собственные силы, и эта жизненная

стратегия стала для них «индивидуальным рациональным выбором моделей поведения» (И. Дискин). Они ничего не ожидали от государства, кроме того, чтобы оно не мешало, чтобы его в отношении них как бы и не было. Естественно, что эти настроения относились и относятся преимущественно к мелкому бизнесу. 90-е годы стали для миллионов людей уникальным опытом жизни без государства, когда от него не обязательно было бежать в «Беловодье» за границы, когда оно ушло само.

В последние годы государство вернулось. Это возвращение государства в сочетании с высокими ценами на сырьевые товары российского экспорта возродило в традиционалистах надежды на возвращение государственного патернализма. Вот и «заработал закон дележки».

Я никак не могу понять, почему успешные люди «новой России», то есть те 25–30%, противопоставившие себя традиционному обществу, сделавшие сугубо индивидуалистический выбор, опирающиеся на собственные силы, вдруг озаботились категорией справедливости в «разделе национального пирога» и проблемой социальной справедливости вообще? Полагаю, что проблематика социальной справедливости волнует преимущественно проигравших в ходе реформ традиционалистов, и именно на их чаяния ответит «политическая сила, которая выдвинет идею социальной справедливости в качестве главного пункта новой политической повестки дня». (И. Дискин)

Обращение власти к традиционализму сегодня максимально неэффективно, он уже очень давно не может быть инструментальным, технологичным, способным привести к достижению планируемых целей. Видимый поворот от модерна к премодерну основан на заигрывании с традиционным обществом, сохранившим себя не только на ментальном уровне, но и в экономических практиках традиционалистов. И этическая поддержка подобных действий возможна преимущественно со стороны «России

премодерна», а не тех 25–30% наших сограждан (И. Дискин), сумевших эффективно адаптироваться к переменам последних полутора десятилетий.

Теперь что касается сохранения национального контроля над сырьевыми ресурсами. Да, этот контроль был сохранен, был сохранен контроль над экономикой в целом, в отличие от бывших европейских социалистических стран, этот контроль почти полностью утеревших. В этом с И. Дискиным нельзя не согласиться. Здесь стоит только отметить цену, которую российское общество заплатило за сохранение национального контроля над экономикой.

Мы знаем, что в 90-е годы субъекты хозяйствования всеми правдами и неправдами старались минимизировать налоговые отчисления в бюджеты всех уровней, в результате чего социальная поддержка пенсионеров, инвалидов, материнства и детства, медицины и образования была сведена к минимуму. Ценой сохранения собственности в руках отечественных капиталистов и государства стали народившиеся дети, умершие до срока старики, миллионы беспризорных и прочее в том же духе. Мы сохранили в «национальных» руках экономику, но в очередной раз подорвали население. Мы сохранили контроль над экономикой и территорией, но в ней будут работать и на сохраненной территории жить люди, иные по языку, религии и культуре. Это цена вопроса, и эта цена уже уплачена.

А там, в восточноевропейских странах, новые зарубежные собственники платили налоги, и такого провала в финансировании социальных программ не было, не было и столь явных процессов депопуляции, столь резкого ухудшения качества общества.

Но что сделано, то сделано. Что же касается дальнейшего, то кто мешает и дальше продолжать следовать принятой сегодня практике – проводить Ипо, продавать иностранцам миноритарные пакеты акций. Вполне традиционная для России практика – российские недра, западные технологии.

Не стоит друг друга запугивать мировыми заговорами и докладами ЦРУ. Знать реальную ситуацию надо, но не надо пугаться самим и пугать других. Не надо помогать российской власти загонять себя «в угол», во все более сужающийся коридор возможностей – пока высоки цены на продукцию нашего сырьевого экспорта, ничего судьбоносного для нее не происходит.

И. Дискин полагает также, что в процессе переноса религиозности собственно с института православной церкви на интеллигенцию «российское государство теряло в обществе всякую этическую опору, встречая со стороны интеллигенции квазирелигиозную нетерпимость, нежелание сотрудничать, отказ от диалога с властью, расцениваемого не иначе как “предательство идеалов”». Не имея склонности к квазирелигиозной нетерпимости, согласимся с автором в том, что все это в нашей истории было, было и отторжение власти, отказ от диалога, были народники, эсэры, а в советское время «враги народа» и пытавшиеся «жить не по лжи» диссиденты... Были люди, оппонировавшие власти словом и делом, но что это была за власть, и кто из сторон до последней возможности закрывался от диалога?

Мы знаем, что такая неадаптивная власть инерции, формы, отсутствия решений и воли адекватно реагировать на вызовы времени, до конца проходила путь самоисчерпания. В империи Романовых она исчерпала себя не переходя к столь желаемой обществом республиканской форме правления, закончив свое существование революцией 1905–1907 годов и участием в Первой мировой войне на стороне республиканской Франции. Удивительная легкость революции февраля 1917-го была результатом желания революции, которое разделяло несколько поколений русского образованного общества. Нельзя так затягивать неизбежное, революцию можно не пускать «в дверь» политики внутренней, она «прорвется» в окно политики внешней, она все равно придет, если пришло ее историческое время, а историческое время неадаптивной власти – ушло.

На корню сгнил и СССР, сгнил до стадии бескровного, добровольного, желаемого участниками событий самораспада. Это отдельная большая тема, замечу только, что прошло и его историческое время. И диалог общества и власти в эпоху Горбачева ничего уже спасти не мог – слишком много было в истории СССР крови и слишком неэффективна была советская экономика.

Сегодня диалог между властью и обществом необходим, и в этом нельзя не согласиться с И. Дискиным, но он может быть только взаимным.

- [1] Хёрстер-Филиппс, У. 1997. *Консервативная политика в последний период Веймарской республики*. Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН.
- [2] Штафф, И. 1997. *К понятию политической теологии у Карла Шмитта*. Типы власти в сравнительно-исторической перспективе: Проблемно-тематический сборник. Вып. 3. ИНИОН РАН.